

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ И ВЛ. СОЛОВЬЕВ: СМЫСЛ ЛЮБВИ¹

Т.Г. МАГАРИЛ-ИЛЬЯЕВА

Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН

Аннотация: Цель данной работы показать, что идеи, рассмотренные В. Соловьевым в цикле статей «Смысл любви» очень созвучны мыслям Ф.М. Достоевского, которые отразились еще в его раннем творчестве. То, что философ высказал дискурсивно, писатель передал через художественный образ. В статье рассматривается разница между философским высказыванием и художественным, при этом отмечается осознание обоими мыслителями необходимости чувственного познания как получения непосредственного опыта. Прослеживается, каким образом Соловьев выводит смысл любви и каким он видится в современном мире. Показывается схожесть воззрений на любовь молодого Достоевского и Соловьева. Анализ «философии любви» писателя осуществляется на примере романа «Белые ночи», где союз двух душ, пусть мимолетный, оказывается ценнее долгих лет супружества или всепоглощающей страсти. Эти мысли звучат в унисон с теорией Соловьева, видевшего в истинной любви путь к вечной жизни.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, роман «Белые ночи», Вл. Соловьев, «Смысл любви».

В цикле «Смысл любви», объединяющем пять статей (1892–1893 годов), предложенный Соловьевым путь заставляет вспомнить о Достоевском и его раннем творчестве, где любовь и ее осмысление являются одними из центральных мотивов. То, что философ высказал дискурсивно, писатель передал через художественные образы.

Но прежде оговорим разницу между философским дискурсом и высказыванием в произведении искусства. Философское высказывание по своему замыслу строится как математическое утверждение, оно должно быть понятно и доказательно для любого заинтересованного воспринимающего. В произведении искусства как в эстетическом продукте основной посыл направлен не на рациональную логику, а на чувства. Безуслов-

---

¹ Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 17-18-01432).

но, идеи, заложенные в произведении, утрачивают свою поверхностную ясность и математическую строгость. Теперь воспринимающему необходимо самому проследить и выстроить логику, как бы извлечь ее из художественного образа. Но с другой стороны, такое высказывание оказывается гораздо мощнее. Оно приходит к человеку как непосредственный опыт, а не как абстрактное знание. Помимо этого, высказывание становится более объемным, то есть у него есть возможность включить в себя большее смысловое поле – одной цитатой можно привлечь целое направление мысли.

Достоевский и Соловьев понимали эту особенность и важность художественного высказывания. Молодой Достоевский в письме к брату рассуждает:

Познать природу, душу, Бога, любовь... Это познается сердцем, не умом <...> Ум – способность материальная... душа же, или дух, живет мыслию, которую нашептывает ей сердце... Мысль зарождается в душе. Ум – орудие, машина, движимая огнем душевным. Притом <...> ум человека, увлекшись в область знаний, действует независимо от чувства, следовательно, от сердца. Ежели же цель познания будет любовь и природа, тут открывается чистое поле сердцу (28, 53)².

Писатель говорит о том, что истинное познание происходит через чувства, а не через рациональное восприятие. Об этом же говорит Соловьев, когда рассуждает о недостаточности теоретического сознания истины для пребывания в ней. Задачей творчества он как раз видит в донесении понятия истины через чувства: «... наша творческая деятельность не может иметь высшей цели, как воплощать в осязательных образах это изначала созданное и провозглашенное единство небес, земли и человека»³.

Вернемся к теме смысла любви столь важной для двух мыслителей. Обратимся к тексту Соловьева и к одному из ранних романов Достоевского, чтобы наглядно проследить, как схожие идеи по-разному реализуются в философском и художественном планах. Безусловно, в рамках одной статьи невозможно проанализировать весь ход рассуждений фило-

² Здесь и далее том и страница указываются в тексте в скобках после цитаты по изд.: *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990.

³ *Соловьев В.* Смысл любви: избранные произведения. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. С. 77.

софа и писателя. Сфокусируем внимание на том, как Достоевский и Соловьев понимали и оценивали любовь в ее наличном состоянии в нашем сегодняшнем мире. Но прежде скажем несколько слов о том, как Соловьев выводит понятие истинной любви.

Соловьев начинает свои рассуждения с утверждения, что смысл половой любви заключен в самой идее высшего организма, то есть человека. Далее он выстраивает логическую цепочку размышлений, чтобы определить идею человека и посредством этого определить любовь. Сначала философ показывает, что любовь действительно служит целям именно индивидуального человека. Соловьев последовательно доказывает, что смысл любви не сводим к идее рода, то есть размножения или создания исключительного потомства, так как наличие сильной любви между партнерами не гарантирует ни большое потомство, ни его исключительность. Таким образом, любовь не бывает орудием родовых целей, ее значение коренится в индивидуальной жизни человека.

Индивидуальная жизнь обеспечивается наличием индивидуального сознания, которое позволяет человеку осознавать факты не только по отношению друг к другу, «но и ко всеобщим идеальным нормам, его сознание сверх явлений жизни определяется еще разумом истины. Сообразуя свои действия с этим высшим сознанием, человек может бесконечно совершенствовать свою жизнь и природу, не выходя из пределов человеческой формы»⁴. Эта способность к постоянному самоусовершенствованию и делает человека, по мнению Соловьева, выше всех остальных существ.

Способность индивидуального сознания человека соотносить факты с высшей нормой объясняется тем, что в индивидуальное сознание изначально заложена истина о всеединстве. По Соловьеву, всеобщее единство и есть истина, человек в отличие от других существ природы имеет возможность воплощать и осуществлять ее: «...каждый человек способен познавать и осуществлять истину, каждый может стать живым отражением абсолютного целого, сознательным и самостоятельным органом всемирной жизни»⁵. В реальности же человек, хоть и имеет такую возможность, но не находится в истине:

<...>он находит себя как обособленную частицу всемирного целого, и это свое частичное бытие он утверждает в эгоизме как целое

---

⁴ Там же. С. 75.

⁵ Там же. С. 78.

для себя, хочет быть всем в отдельности от всего – вне истины. Эгоизм как реальное основное начало индивидуальной жизни всю ее проникает и направляет, все в ней конкретно определяет, а потому его никак не может перевесить и упразднить одно теоретическое сознание истины. Пока живая сила эгоизма не встретится в человеке с другою живою силою, ей противоположною, сознание истины есть только внешнее освещение, отблеск чужого света⁶.

Соловьев отмечает, что весь ужас эгоизма не в том, что человек мнит себя совершенством, ведь он на самом деле таким и является, а тем, что он отказывает в этом другим, низводя их до уровня функций. Осуществить всеединство можно только, отказавшись от своих границ, перенести центр из себя в другого, собственно, сделать это и позволяет любовь: «Истина, как живая сила, овладевающая внутренним существом человека и действительно выводящая его из ложного самоутверждения, называется любовью. Любовь, как действительное упразднение эгоизма, есть действительное оправдание и спасение индивидуальности»⁷. «Смысл человеческой любви вообще есть оправдание и спасение индивидуальности чрез жертву эгоизма»⁸. Соловьев вынужденно признает, что на практике это почти никогда не воплощается в полной мере. Но, по его мнению, это не повод считать такую любовь неосуществимой. Ведь прошли миллионы лет эволюции, прежде чем появился человеческий разум. Любовь должна воплотить то, что мы только чувствуем – вечную жизнь, в которой нет места разделению на мужчин и женщин как отдельных созданий, – высшее единство обоих – вот задача любви.

Соловьев констатирует, что в любви, как бы мы ее не идеализировали, присутствует и физиологический, и социальный (создание семьи) аспекты, но без соединения в Боге эти аспекты сродни некрофилии, имеющей дело только с безжизненным телом. Философ рассуждает о ненормальности того, что человечество привыкло называть нормой. Он говорит, например, что многие склонны осуждать фетишизм в любви, но любовь к одному телу по своей сути тот же фетишизм, так как мы любим только часть, а не целое. За принятыми социальными нормами скрывается извращение и эгоизм. Но так как у физического и социального аспек-

---

⁶ Там же. С. 79.

⁷ Там же. С. 79.

⁸ Там же. С. 90.

та есть видимые цели (обладание телом или создание семьи), а у духовного – нет, он видится многим лишь «поэзией». Но истинная духовность не отвергает тело. Настоящая любовь – это одновременно восхождение и нисхождение. Мы любим и идеал – тот истинный образ любимого, который возникает, когда мы влюблены (то есть мы прозреваем его истинный облик), и его земное воплощение пока неосуществленного идеала, как его потенцию. При этом Соловьев остерегает пары от обособления от мира, так как это приведет к порождению новых границ. Философ видит любовь как путь к вечной жизни, где каждый, не теряя свою индивидуальность, будет одновременно един со всеми.

Уже в своих самых первых произведениях Достоевский очень четко понимал именно эту задачу любви. Т.А. Касаткина называет такую любовь у Достоевского «другой»:

Если прочитать подряд произведения Достоевского, написанные до конца 1849 года, в глаза бросается одна странность в построении сюжета, присущая почти всем им: везде присутствует любовная интрига, но это какая-то странная любовная интрига. Вглядевшись, замечаешь, что традиционная любовная интрига также присутствует, но занимает скорее периферию повествования, оттеняя те странные отношения героев, которые и становятся собственно предметом изображения Достоевского. <...> Меня поразило, что молодой Достоевский, до всякого опыта каторги и до «перерождения убеждений», начинает свою литературную карьеру с того, что ставит в центр своих произведений «другую» любовь⁹.

Достоевский действительно ощущал необходимость соединения с другим человеком не как с физическим или социальным партнером, а как с кем-то, кто даст тебе возможность, с одной стороны, выйти за свои пределы, а с другой – достичь своей полноты, своего истинного размера. В своих ранних произведениях Достоевский находится в процессе «нащупывания» пути, как такая любовь может осуществиться в реальной жизни. Его героям, в общем-то, не удастся это соединение в полной мере, каждый раз что-то идет не так. При этом Достоевский показывает и суть отношений, построенных только на физическом или со-

⁹ Касаткина Т.А. О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф.М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». М., 2004. С. 131–141.

циальном факторе, понимая их невозможность. Рассмотрим сказанное на примерах.

Можно сказать, что роман «Белые ночи» и есть рассуждение на тему, какой бывает любовь. При этом его внешнюю коллизию можно свести к обычной любовной истории. У главной героини романа, Настеньки, есть потенциальный муж, ее бывший жилец, в которого она влюблена, но по ряду обстоятельств им приходится на время расстаться, и их союз оказывается под угрозой. В это нелегкое время она встречает мечтателя. Их отношения быстро становятся близкими. Придя к выводу, что жених Настеньки ее бросил, мечтатель и главная героиня решают сойтись как пара, но в это же время возвращается жених Настеньки, и она уходит к нему. Что может быть банальней! Но именно в рамках этого банального сюжета Достоевский выстраивает свою «философию любви». Он очень тонко и точно описывает чувства героев, которые при внимательном чтении могут очень удивить читателя.

Мы знаем, что Настенька полюбила жильца и всем сердцем стремится к союзу с ним, но вот как она говорит о своих чувствах при встрече с любимым: «С тех пор я, чуть шум в сениях, как мертвая. Вот, думаю, жилец идет, да потихоньку на всякий случай и отшпилю булавку» (1, 200), «Я, как услышала, побледнела и упала на стул как мертвая» (1, 202), «...ни жива ни мертва, пошла в мезонин к нашему жильцу. Думаю, я шла целый час по лестнице. Когда же отворила к нему дверь, он так и вскрикнул, на меня глядя. Он думал, что я привидение...» (1, 203). Собственно, говоря словами Соловьева, вот, что есть любовь без соединения в Боге – это некрофилия. Настенька подавлена своей бабушкой и всеми силами пытается уйти из-под ее власти. Жилец становится средством для «выхода», то есть ей важна в нем только функция «мужа», который заберет ее от бабушки. Он не важен ей как человек, и она не чувствует себя с ним свободно, именно поэтому Достоевский описывает ее, как мертвую, потому что такие отношения без истинных чувств приводят к смерти. Вообще для Достоевского отсутствие чувств – это эквивалент смерти, о чем он не раз упоминал в своих произведениях¹⁰.

¹⁰ Например, в произведении «Ползунков» главный герой довольно странно называет свою бабушку – «замкнутая покойница» – и поясняет: «Она была слепа, нема, глуха, глупа» (2, 7). Иначе говоря, она была лишена основных чувств. В романе «Белые ночи» бабушка главной героини Настеньки также лишена некоторых чувств – она слепа и почти не выходит из дома. Автор, подчеркивая «бесчувственность» бабушки, проводит сравнение между ней и домом, «твердым замкнутым

Совсем иначе автор описываются чувства Настеньки и мечтателя еще до их решения сойтись как жених и невеста:

Теперь, милая Настенька, когда мы сошлись опять после такой долгой разлуки, – потому что я вас давно уже знал, Настенька, потому что я уже давно кого-то искал, а это знак, что я искал именно вас и что нам было суждено теперь свидеться, – теперь в моей голове открылись тысячи клапанов, и я должен пролиться рекою слов, не то я задохнусь» (1, 191).

Мечтатель и Настенька не знали друг друга, по крайней мере, в этой жизни, но мы видим, что они настоящее продолжение друг друга, и, соединившись, они ломают границы и позволяют себе стать «изобильными источниками». Они буквально становятся одним человеком:

- Неужели и в самом деле вы так прожили всю свою жизнь?
- Всю жизнь, Настенька, – отвечал я, – всю жизнь, и, кажется, так и окончу!
- Нет, этого нельзя, – сказала она беспокойно, – этого не будет; этак, пожалуй, и я проживу всю жизнь подле бабушки (1, 195).

До встречи с Настенькой мечтатель планомерно отделял себя от мира, заточал в углу. Собственно этого же боится и Настенька.

Писатель не ограничивается простым противопоставлением отношений Настеньки с двумя героями, ведь эту разницу можно свести к разнице между характерами самих героев. Достоевский идет дальше, он показывает, как в одно мгновение может иссякнуть до этого изобильный источник. Когда вдруг Настенька и мечтатель решают сойтись в рамках соци-

---

предметом»: «...домик <...> совсем деревянный и такой же старый, как бабушка» (2, 121). Из-за потери чувств бабушка Настеньки оказывается как бы замкнутой в доме, у нее нет возможности покидать его. Когда же речь идет о «замкнутом покойнике», то первое, что приходит в голову, что замкнут он в гробу. Дом часто является метафорой тела. Таким образом, для лишнего чувств сердца, тело становится гробом, вместо того чтобы быть проводником чувств. Для Достоевского жизнь в отсутствие чувств, т. е. живого чувствующего сердца, является синонимом смерти. В «Белых ночах» есть следующее описание бывшего жильца бабушки: «Это был старичок, сухой, немой, слепой, хромой, так что наконец ему стало нельзя жить на свете, он и умер» (2, 121).

альных норм – стать женихом и невестой, решив, что жилец уже не вернется, всей их близости приходит конец: «...как же мог я быть так слеп, когда все уже взято другим, все не мое» (1, 207), – восклицает мечтатель. Тут же Настенька для него становится посторонним лицом, даже не лицом, а предметом, который можно присвоить или отдать. Вот собственно идея эгоизма, когда другой человек сведен к функции, то есть становится предметом. А вот как описываются чувства мечтателя и Настеньки, когда они принимают это решение сойтись как пара: «Говоря это, мы ходили оба как будто в чаду, в тумане, как будто сами не знали, что с нами делается. То останавливались и долго разговаривали на одном месте, то опять пускались ходить и заходили бог знает куда, и опять смех, опять слезы...» (1, 218). Точно также описывается состояние мечтателя, когда он находится в самом глубоком отчуждении от мира, в плену своих фантазий: «...где он теперь стоит, по каким улицам шел? – он наверно бы ничего не припомнил, ни того, где ходил, ни того, где стоял теперь <...> на его широкую созерцательную улыбку и жесты руками» (1, 192). Мы видим, что Достоевский протягивает ниточку между этими двумя состояниями героев. Светлые чувства мечтателя и Настеньки становятся похожи на помешательство, сам же мечтатель такое свое состояние называл грехом.

После того как прошло «помешательство» героев, решивших вдруг перевести свой союз из духовного в разряд социальный, мечтатель возвращается к ощущению полноты и истинной любви. Вот, что он отвечает на письмо Настеньке, вернувшейся к своему жениху:

Но чтоб я помнил обиду мою, Настенька! Чтоб я нагнал темное облако на твое ясное, безмятежное счастье, чтоб я, горько упрекнув, нагнал тоску на твое сердце, уязвил его тайным угрызением и заставил его тоскливо биться в минуту блаженства, чтоб я измял хоть один из этих нежных цветков, которые ты вплела в свои черные кудри, когда пошла вместе с ним к алтарю... О, никогда, никогда! Да будет ясно твое небо, да будет светла и безмятежна милая улыбка твоя, да будешь ты благословенна за минуту блаженства и счастья, которое ты дала другому, одинокому, благодарному сердцу! Боже мой! Целая минута блаженства! Да разве этого мало хоть бы и на всю жизнь человеческую?.. (2, 141)

Достоевский через художественные образы своих героев показывает читателю, что лишь соединение в идеальной любви, пусть и мимо-

---

летное, пусть не осуществленное во всей полноте, ценнее долгих лет супружества или всепоглощающей страсти. Эти мысли звучат в унисон с теорией Соловьева, видевшего в истинной любви путь к вечной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
2. *Касаткина Т.А.* О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф.М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». М.: ИМЛИ РАН, 2004. 480с.
3. *Соловьев В.* Смысл любви: избранные произведения. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 352 с.